

Вен. Москва. - 1991. - 10 окт.

Театральная аллея

СОЛОМОН МИХОЭЛС. ЛЕГЕНДА?

Это не просто «еще один театр». И даже не просто большой театральный центр, завтра, быть может, международный. Он — в искупление нашей совести. Помните: Бенья Крик сетовал на ошибку Бога, что мол, поместил евреев не в сладостную Швейцарию, а в ошестившуюся местами оседлости Россию. Долго-долго внукам нашим и правнукам придется краснеть за мерзостный «пятый пункт», гетто и ссылки, за самую возможность бытования немыслимого слова «антисемитизм». Сейчас уже кажется почти легендой, как в годы сталинского террора великий народ создал театр, прославивший не только еврейское искусство, нацию, родившую Христа, и Библию, но и Россию. Лучший еврейский театр XX века. Московский ГОСЕТ опирался не только на духовно-эстетическое наследие нации, но и на поддержку в 20-е, 30-е годы творческой русской интеллигенции. Содомон Михоэлс, «Главко-верх», как ласково называли его друзья, гениальный актер и режиссер, еврей по паспорту, интернационалист по убеждениям, был убит в 1948 году. Убийца, как свидетельствовал Н. С. Хрущев, был награжден даже орденом: поперек горла был Сталину этот Главко-верх. Арестовали пронзительного актера и нежнейшего человека Зускина, поэта-философа Галкина. Театр закрыли. Хотели заколотить память о нем. А легенды о великом Лире, всемирно признанном создании Михоэлса, горькие шуточки Тевье-молочника не ушли десятилетиями. Спасибо добродушному писателю Феликсу Канделю. Он написал в 1974 году книгу «Врата исхода нашего». Это было в Москве. И он тогда был любимым нашим ироническим писателем Феликсом Камовым. Книгу не напечатали. Камов уехал. А легенда так и жила среди нас. Дважды издавало издательство «Искусство» сборник статей Михоэлса, воспоминаний о нем. Но чего это стоило писателю Рудницкому!

А сегодня, когда, кажется, забрезжил свет в нашем могучем тоннеле, появилась и еще одна прекрасная надежда: в Москве родился вновь еврейский театр.

Его назвали приветственным словом «Шалом». К столетию со дня рождения Михоэлса он поставил спектакль «Закладываемый театр», языком театра рассказав о творчестве великого мастера.

Зрителям, не искушенным в загадках еврейского театра, кажется, что спектакль «легкий», веселый, что смотрится он — как хороший эстрадный концерт — с воодушевлением, сделан «на одном дыхании». (Это просто в сравнении с «биографическими» спектаклями и фильмами, где все «правильно», но безнадежно скучно). Еврейский театр знал и высочайшие трагические прозрения, но всегда был непревзойден в умопомрачительном юморе. Наверное, не только время, но и гены донесли до нас эту веками сложившуюся способность авторов и актеров говорить о самом серьезном с усмешкой, горькой и печальной улыбкой. Не за нее ли мы так любим Чарли Чаплина, Аркадия Райкина, Геннадия Хазанова? Не поэтому ли нам так дорог Михаил Жванецкий? Арка-

нов, Горин, да разве всех перечислять?

Знаменитые мастера эстрады: Аркадий Хайт (об руку с текстами Ф. Канделя он выстроил композицию спектакля, определил его сцены — а это отрывки из михоэлсовских шедевров), Александр Левенбук (постановщик, главный режиссер театра), Михаил Ушац — автор сценографии и костюмов, принесли в этот спектакль не доскональную историчность, а живое, сегодняшнее ощущение того великого дыхания и ритмов, в которых жили когда-то геттоевцы. Наверное, поэтому и Вениамин Сендрлом («Путешествие Вениамина III») и герои «Тевье-молочника», «Блуждающих звезд», «Колдуньи», «Гершеле Острополера», даже «Король Лир» воспринимаются нами как люди сегодняшние, наши очень близкие знакомые. Это, конечно, в первую очередь дар Хайта и Левенбука, знающих цену каждой секунде на подмостках, каждому слову, улыбке и слезе, имеющих какой-то особый вкус к высокому вдохновению, душевной праздничности и невыдуманному накалу страстей. Не будь в спектакле музыки Ефима Бурда и Александра Петрова и сценографии Визмы Витолс, мы, честное слово, так бы до конца не почувствовали всей раскованной пряности и элегантно сдержанности еврейского спектакля. Не имея дара и опыта эстрадного конферансье, Евгений Кравинский вряд ли бы сумел зажечь человеческие сердца. А зал, ведь и плачет, и смеется.

А как не упомянуть аристов, играющих в спектакле по несколько ролей: М. Вишнякову, М. Голуб, Г. Кагановича, И. Левковича, И. Савкина, В. Смольникову, Я. Хачатурову.

Вот и начал он путь, наш «Шалом». А что дальше?

Есть, конечно, десятки пьес самых лучших авторов. Есть Шолом-Алейхем, Гольдфаден, есть наконец Шекспир. Но в эти прекрасные дни серьезного возрождения великого, но почти забытого искусства хочется надеяться, что театр с пользой для себя извлечет и те выдающиеся уроки, которые преподавал миру Михоэлс. Он ведь был творцом не просто еврейского искусства. Он владел алгеброй поэтического театра, наисложнейшей структурой — духом и формами — философского режиссерского мышления. Он уважал мастеров академической «натуральной школы», но сам творил иначе. Он восхищался талантом Мейерхольда. А какие прекрасные у него оказались наследники: в кино — Параджанов, в театре — Любимов. Всех их всегда вела в искусстве не просто правда жизни, правда полная, безоглядная. Все они всегда считали, что открытие нового содержания, нового смысла произведения обязательно должно быть связано с открытием новой формы, новых эстетических закономерностей.

«Шалом» так и начал. Сил бы ему на подольше.

Наталья СМЕРНОВА.

Гонорар за публикацию автор просит перечислить в фонд памяти Рауля Валленберга.

На снимке: сцена из спектакля.